

Б. Нургалиев^{1*}, Ж. Кантарбаева¹,
М. Акмади², З. Че³

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

²Казахский национальный женский педагогический университет, Алматы, Казахстан

³Университет Малайя, Куала-Лумпур, Малайзия

*e-mail: nurgaliyevbyrzhn@gmail.com

КАРТИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИСЛАМИСТСКОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ И КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

В данном исследовании рассматривается роль религиозных мотивов девиантного поведения в исламистском экстремизме. Целью исследования было проанализировать религиозные мотивы лежащих в основе девиантного поведения в экстремизме, через инструменты библиометрического и контент-анализа. Результаты обзора литературы показали, что, хотя и было написано много исследований в данной области, некоторые аспекты все еще остаются недостаточно изученными в связи с постоянным развитием и расширением данной области. В качестве базы для проведения исследования выступили публикации из индексируемых журналов Scopus, с которыми был проведен количественный анализ, далее для проведения углубленного анализа были выбраны ряд ключевых текстов. В результате качественного анализа было выделено пять доминирующих категорий религиозных мотивов как нормативно-религиозные, эсхатологические, социально-религиозные, политико-религиозные и культурно-психологические. Также результаты исследования подтверждают, что религиозные мотивы действуют не только как вторичные подкрепления социального недовольства, но и как основные легитимирующие нарративы девиантного поведения. В контексте Центральной Азии данные мотивы приобретают особую форму, акцентируя внимание на справедливости, идентичности, а не на апокалиптических темах, более распространенных в ближневосточном дискурсе, что показывает, что религиозные нарративы обеспечивают как моральное оправдание, так и структурную основу для девиантных практик. Исследование вносит теоретический вклад, предлагая структурированную карту религиозных мотивов и подчеркивая региональные особенности, а также практический, предполагая, что эффективные стратегии профилактики должны быть контекстно-зависимыми и нарративно-ориентированными.

Ключевые слова: девиантное поведение, религиозные мотивы, библиометрический анализ, Центральная Азия, радикализация

B. Nurgaliyev^{1*}, Zh. Kantarbaeva¹, M. Akmadi², Z. Che³

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

²Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Kazakhstan

³University of Malaya, Kuala Lumpur, Malaysia

*e-mail: nurgaliyevbyrzhn@gmail.com

Mapping of Religious Motives of Deviant Behavior in Islamic Extremism: Bibliometric and Content Analysis

This study examines the role of religious deviant behavior in Islamist extremism. The aim of the study was to analyze the religious motives underlying deviant behavior in extremism using bibliometric and content analyses. The results of the literature review showed that although considerable research has been conducted in this area, some aspects remain insufficiently studied due to the field's ongoing development and expansion. Based on publications in Scopus-indexed journals, a quantitative analysis was performed, and key texts were further selected for in-depth analysis. As a result of qualitative analysis, five dominant categories of religious motives were identified: normative-religious, eschatological, socio-religious, politico-religious and cultural-psychological. The results of the study also confirm that religious motives act not only as secondary reinforcement of social discontent, but also as the main legitimizing narratives of deviant behavior. In the context of Central Asia, these motives take a distinct form, focusing on justice and identity, rather than on apocalyptic themes more common in Middle Eastern discourse.

This suggests that religious narratives provide not only a moral justification but also a structural basis for deviant practices. The study makes a theoretical contribution by proposing a structured map of religious motives and emphasizing both regional and practical aspects, suggesting that effective prevention strategies should be context-dependent and narrative-oriented.

Keywords: Deviant Behavior, Elastic Motives, Bibliometric Analysis, Central Asia, Radicalization

Б. Нұрғалиев^{1*}, Ж. Қантарбаева¹, М. Ақмади², З. Че³

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

²Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

³Малайя университеті, Куала-Лумпур, Малайзия

*e-mail: nurgaliyevbyrzhn@gmail.com

Исламистік экстремизмдегі девиантты мінез-құлықтың діни мотивтерін картаға түсіру: библиометриялық және мазмұнды талдау

Мақалада исламдық экстремизмдегі девиантты мінез-құлықтағы діни мотивтердің рөлі зерттеледі. Зерттеудің мақсаты библиометриялық және мазмұндық талдауды қолдана отырып, экстремизмдегі девиантты мінез-құлықтың негізінде жатқан діни мотивтерді талдау болды. Әдеби шолудың нәтижелері бұл салада көптеген зерттеулер жазылғанымен, саланың дамуы мен кеңеюіне байланысты кейбір аспектілер әлі де толық зерттелмегенін көрсетті. Scopus-тағы индекстелген журналдардан алынған басылымдар зерттеудің негізі болды. Терең сандық талдау жүргізу үшін негізгі мәтіндер таңдалды. Сапалық талдау діни мотивтердің бес басым санатын анықтады: нормативтік-діни, эсхатологиялық, әлеуметтік-діни, саяси-діни және мәдени-психологиялық. Зерттеу нәтижелері діни мотивтердің әлеуметтік наразылықтың екінші реттік күшейтуі ретінде ғана емес, сонымен қатар девиантты мінез-құлықтың негізгі заңдастыратын баяндары ретінде де әрекет ететінін растайды. Орталық Азия контекстінде бұл мотивтер «Таяу Шығыс» дискурсында кең таралған апокалиптикалық тақырыптардың орнына әділеттілік пен жеке адамды бөле отырып, ерекше формаға ие болады. Бұл діни баяндаулардың девиантты тәжірибелер үшін моральдық негіздеме мен құрылымдық негіз беретінін көрсетеді. Діни мотивтердің құрылымдық картасын ұсыну және аймақтық ерекшеліктерді көрсету арқылы теориялық үлес қосады, сондай-ақ тиімді алдын алу стратегиялары контекстке сезімтал және баяндауға негізделген болуы керек деген пікірді алға тарту арқылы практикалық үлес қосады.

Түйін сөздер: девиантты мінез-құлық, діни мотивтер, библиометриялық талдау, Орталық Азия, радикалдану

Введение

Религиозные мотивы занимают центральное, но, как ни странно, недостаточно систематизированное место в современной научной среде по изучению девиантного поведения внутри исламистских экстремистских движений. Большая часть существующей литературы смещается в сторону пояснительных рамок, основанных на политической маргинализации, социально-экономической нестабильности, психологической уязвимости или кризисах формирования идентичности. Бедность, отчуждение, изоляция и раздробленная принадлежность стали доминирующими категориями интерпретации в исследовании процессов радикализации. Хотя эти подходы сохраняют свою ценность, они часто оставляют недостаточное аналитическое пространство для специфически религиозных грамматик, через которые насилие становится значимым, морально оправданным или даже священным. Albadī (2022) пишет, что толкования со священными писаниями, в которых за-

конное принуждение, воинственный активизм, практика вербовки или саможертвенное насилие часто признаются только периферийно, а не рассматриваются как внутренне структурированные системы смысла. Такой дисбаланс имеет методологические последствия.

Центральная Азия находится на перекрёстке российского влияния в сфере безопасности, китайского территориального роста и глобальных исламских сетей. Sheryazdanova (2024) пишет, что ЦА играет стабилизационную роль в текущих дискуссиях о радикализации. Его близость к Афганистану и возвращение боевиков из конфликтов, связанных с Исламским государством и Талибаном, вызывают беспокойство по поводу распространения воинствующих идей в политических и религиозных контекстах региона. Sharipova (2023) отмечает, что тенденции, которые раньше считались далекими, могут начать находить отклик на местном уровне из-за политической стагнации, ограниченного религиозного выражения и продолжающихся социальных и экономических разногласий. Но изучая пробле-

му в глобальном масштабе Центральная Азия остается менее значимой. Ведь исследования исламистского экстремизма по-прежнему сосредоточены на Ближнем Востоке, Северной Африке и, в меньшей степени, Южной Азии (Sharipova, 2023). Это создает неявное разделение между «основными» и «периферийными» областями радикализации. Такая неравномерность имеет теоретические последствия. Модели, основанные главным образом на арабском политическом контексте, часто применяются к Центральной Азии без достаточного учета светской советской истории региона, его постсоциалистических изменений или уникальных способов управления религиозной властью в обществах, сформированных десятилетиями государственной религии (Omid, 2024).

Обоснование выбора темы, цели и задачи

В последние годы наблюдается рост академического интереса к теме исследования в особенности в странах Центральной Азии. В связи с этим можно увидеть, что современные научные исследования широко изучают политические, экономические и психологические аспекты экстремизма, религиозные мотивы, узаконивающие радикальные практики, остаются недостаточно систематизированными и концептуально фрагментированными. Существующий разрыв становится особенно значительным в контексте Центральной Азии, где постсоветские светские трансформации, кризисы идентичности и авторитарное правление создают конкретные условия для переосмысления религиозного дискурса. Поэтому настоящее исследование направлено на выявление и картирование доминирующих религиозных мотивов, лежащих в основе девиантного поведения в исламистском экстремизме, с помощью сочетания библиометрических методов и анализа содержания. Для достижения этой цели в исследовании рассматриваются несколько взаимосвязанных целей: изучение динамики научных публикаций в данной области; выявление основных тематических и методологических блоков в рамках академического дискурса; классифицировать доминирующие категории религиозных мотивов, связанных с девиантным поведением; и проанализировать региональную специфику этих мотивов в центрально-азиатском контексте.

Цель исследования заключается в анализе тематической карты религиозных мотивов, лежа-

щие в основе девиантного поведения в дискурсах исламистских экстремистов. В исследовании используется смешанный подход, сочетающий библиометрический анализ с контент-анализом. Анализируя мировую литературу и рассматривая результаты в контексте Центральной Азии, исследование стремится выявить ключевые темы, проследить интеллектуальные пути и привлечь внимание к недостаточно представленным региональным взглядам.

Гипотеза заключается в том, что религиозные мотивы в исламистском экстремизме не просто поддерживают социально-политические недовольства, а выступают в качестве ключевых нарративов, легитимирующих девиантное поведение. Кроме того, в центральноазиатском контексте, вероятно, наблюдаются иные закономерности. Здесь религиозные мотивы в меньшей степени связаны с темами конца света, характерными для ближневосточного контекста, и в большей с вопросами справедливости, идентичности и сопротивления авторитарному правлению.

Значимость исследования заключается в обеспечении безопасности и противодействии радикализации. Изучая, как религиозные мотивы используются для оправдания девиантного поведения в исламистских экстремистских нарративах, могут разрабатываться более эффективные контрнарративные стратегии. Крайне важно определить, какие темы такие как несправедливость, мученичество или конец света находят отклик в местном религиозном контексте, чтобы адаптировать меры вмешательства. Согласно исследованию Klanjsek (2012) в изучении девиации в религиозном контексте важно понимать то, как население применяет религиозные нормы в своей повседневной жизни. Автор отмечает, что девиантное поведение в значительной степени снижается, когда вера становится частью моральных ценностей. Обратный эффект повышения девиации возникает, когда люди начинают воспринимать религиозные нормы как важный социальный инструмент существования для признания себя частью этого общества. Внутренняя религиозность в меньшей степени приводит к девиации, в сравнении с внешней религиозностью. С результатами Klanjsek (2012) сходятся данные Javed (2019), где автор также отмечает, что внутренняя религиозность в значительной степени повышает самодисциплину. Внутренняя вера становится основным элементом религиозной идентичности. Если же идентичность ориентируется на внешнюю религиозность, оно часто становится маркером

девиации. Но оба автора также отмечают что важно понимать культурный контекст и социально-политические аспекты. Религиозные идеи могут формировать взгляды на девиантное поведение в определённых культурных контекстах, что способствует возникновению насилия для контроля над поведением, ссылаясь на божественный порядок и традиции чести, основанные на кланах (Windzio, 2025).

Цифровые инструменты показывают, что девиантное религиозное поведение не ограничивается традиционными офлайн-сообществами, а оно всё больше формируется онлайн-средой. Распространение радикальных идеологий в интернете изменило взаимосвязь религиозных мотивов с девиантным поведением. Платформы, как YouTube, предлагают пользователям контент, пропагандирующий религиозное нетерпимость, распространяя экстремистские идеи и создавая алгоритмические пути к радикализации. Масштабные исследования показывают, что алгоритмическая персонализация, наряду с такими факторами идентичности пользователя, как конфессия и пол, может усиливать воздействие видеороликов, разжигающих ненависть и способствует созданию онлайн-среды, способствующей радикализации (Albadi, 2022).

В постсоветском пространстве роль религиозных мотивов в девиантном и экстремистском поведении очевидна, где десятилетия советского секуляризма привели к религиозному разрыву, за которым последовало быстрое возрождение исламской идентичности. Радикальные группы, такие как «Хизб ут-Тахрир» и «Исламское движение Узбекистана», появились, чтобы заполнить пробел альтернативными политическими и теологическими идеями (Baran, 2006, Zanca, 2004). В Казахстане молодежь выражает сильные религиозные мотивы в своем выборе образа жизни, морали и питания, однако они не поддерживают шариатские наказания или создание религиозного государства (Rashimbetov, 2024, Nussipova, 2023). Также подчёркивается сложность религиозных мотивов, которые могут варьироваться от личных этических до политических и правовых целей и свидетельствует о необходимости различать повседневную религиозность и радикальные взгляды. Исследования, посвященные безопасности, указывают на то, что религия может оказывать как стабилизирующее, так и дестабилизирующее влияние. Местные суфийские традиции и умеренные практики традиционно противостояли радикальным убеждениям, но

продолжающееся присутствие ваххабитских и салафитских идеологий создаёт напряжённость в мусульманских общинах. Религиозный радикализм, наряду с терроризмом, наркоторговлей и контрабандой оружия, неизменно рассматривается как серьёзная угроза безопасности в регионе (Laumulin, 2010, Warikoo, 2011).

Религиозные мотивы девиантного поведения нельзя сводить исключительно к идеологическим объяснениям. Они возникают в результате взаимодействия теологических идей, культурных традиций, цифрового обмена и политической ситуации. В глобальном масштабе цифровые платформы и религиозные моральные устои создают благодатную почву для девиантного поведения (Majid, 2022). В Центральной Азии уникальное сочетание постсоветского возрождения идентичности, авторитарного правления и социально-экономических проблем придаёт религиозным мотивам ярко выраженный региональный колорит. Для картирования глобальных и региональных закономерностей, выявления ключевых тем исследований и выявления упущенных из виду областей в научных дискуссиях необходим библиометрический и контент-анализ.

Научная методология исследований

В данном исследовании используется смешанный подход, сочетающий библиометрические методы с контент-анализом. Набор данных был сформирован на основе базы в Scopus в период с 2003 по 2025 год. Для поиска использовались ключевые слова: TITLE-ABS-KEY (“religion” AND “Deviant”) AND PUBYEAR > 2003 AND PUBYEAR < 2026 AND (LIMIT-TO (SUBJAREA, “SOC”) OR LIMIT-TO (SUBJAREA, “ARTS”) OR LIMIT-TO (SUBJAREA, “PSYC”) OR LIMIT-TO (SUBJAREA, “ECON”). После применения критериев включения и исключения методом PRISMA итоговое количество составило 124 статьи. Далее библиометрический этап был направлен на выявление тенденций исследований, закономерностей цитирования и тематических кластеров в данной области. В ходе исследования были использованы такие программы как Bibliometrix R и VOSviewer. В ходе проведения контент-анализа была выбрана подвыборка из 27 высоко релевантных текстов для глубокого анализа. Целью анализа было выявление и интерпретация религиозных мотивов девиантного поведения в исламистских экстремистских нарративах. Была разработана схема кодирования

посредством итеративного процесса, объединив категории из существующей литературы с кодами, полученными на основе данных. Окончательная схема кодирования включала следующие категории:

- идеолого-религиозные мотивы;
- эсхатологические мотивы;
- социально-религиозные мотивы;
- мотивы морального пуризма.

Протестировав межкодую надёжность на 20%-ной подвыборке достигли значения каппы Коэна выше 0,80, что свидетельствует о высокой согласованности. Также исследование включает контекст Центральной Азии, где были включены контекстное кодирование для выявления связи религиозных мотивов с постсоветскими светскими традициями, авторитарным правлением и социально-экономическими проблемами. Сравнительное кодирование для сопоставления тем, встречающихся в Центральной Азии, с темами, встречающимися в контекстах Ближнего Востока или Южной Азии, с целью выявления региональной специфики.

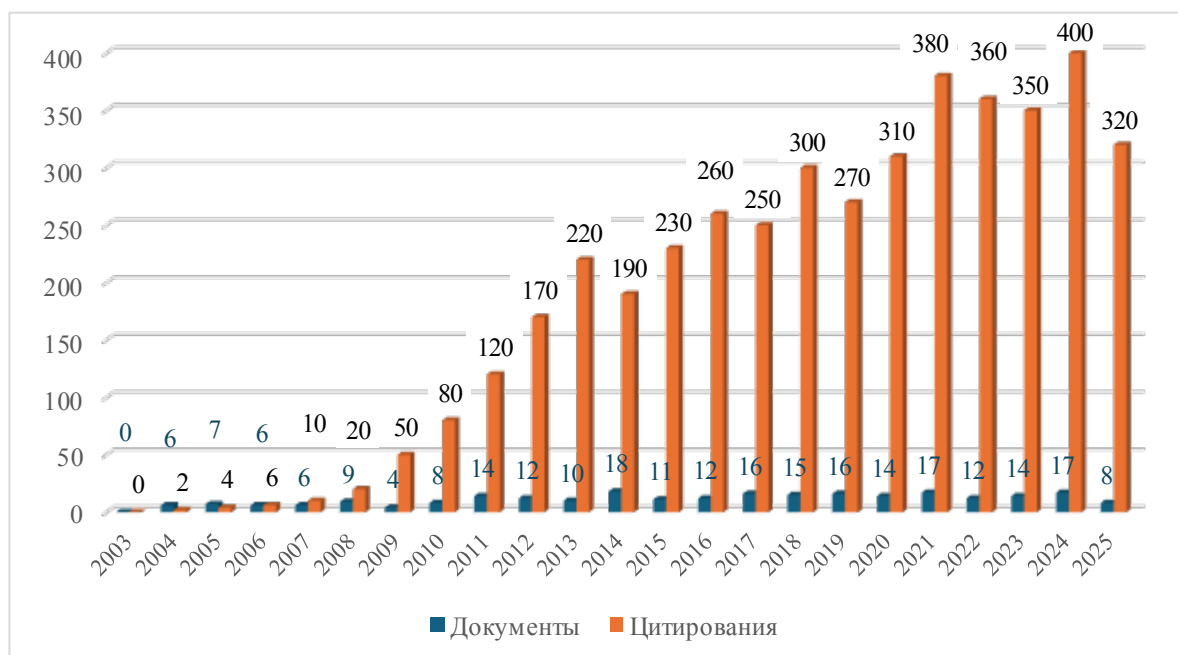
Результаты и обсуждения

Результаты исследования демонстрирует устойчивый рост научной активности, а также

рост цитируемости, что свидетельствует как о растущем академическом интересе, так и о растущем влиянии исследований религиозных мотивов и девиантного поведения. На рисунке 1 представлена динамика научных публикаций и цитирований с 2003 по 2025 год, которая выявляет некоторые определённые тенденции в развитии данной области. Наиболее примечательной тенденцией является последовательный рост на протяжении более чем двадцати лет. Начиная с 2003 года и постепенно наблюдается рост и далее к 2010 году сформировалась как самостоятельная научная область с прочным академическим признанием в 2020-х годах. Первая фаза становления (2003-2009), где публиковалось лишь несколько публикаций в год, а цитирования были редкими. Литература того времени представляла собой новаторские и исследовательские попытки теоретизировать взаимосвязь религии и девиантного поведения и появлялась спорадически в разных дисциплинах и контекстах. Вторая фаза расширения (2010-2015 гг.). Данный этап можно охарактеризовать как быстрым ростом ежегодного количества научных публикаций, и в этот период область исследований выиграла от появления более глобальных дискуссий об исламистском экстремизме, радикализации и терроризме, особенно после геополитических событий.

Рисунок 1

Динамика публикаций и цитирований в данной области в период с 2003 по 2025 года

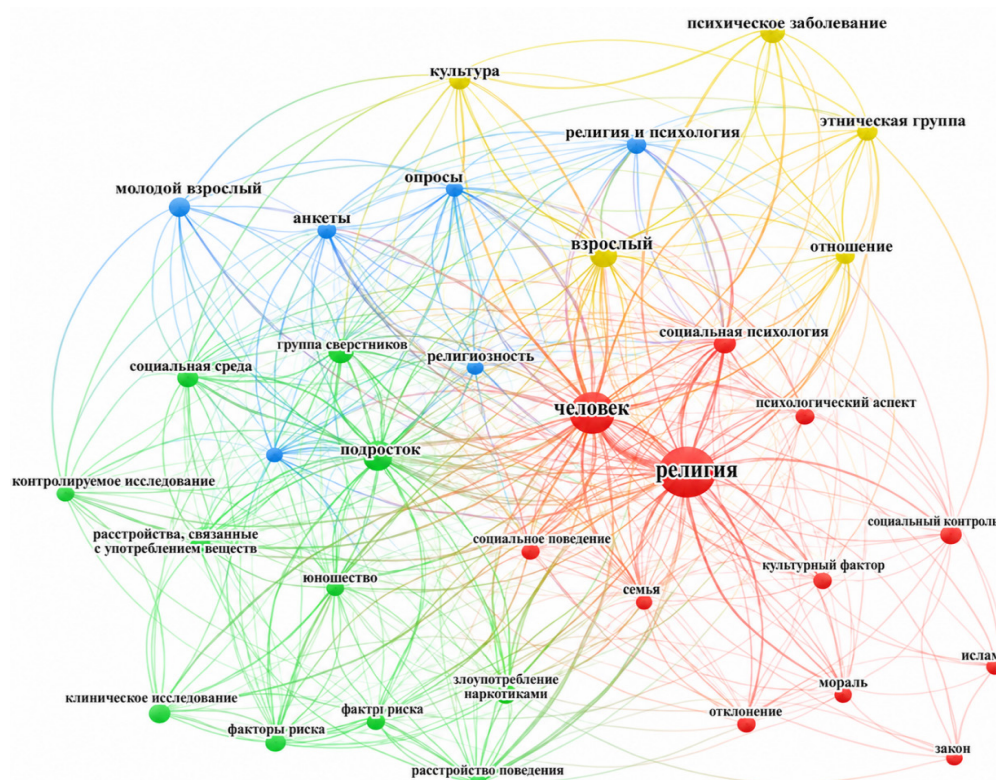
Появилось больше публикаций в этой области, которые также начали формировать тематические кластеры, при этом частота и чёткость цитирования неуклонно росли, что свидетельствует о возросшем научном интересе. Начиная с 2016 года, динамика роста стала более стабильной, варьируясь от 10 до 18 публикаций в год. В этот же период наблюдался устойчивый рост цитируемости, достигнув пика в 2021–2023 годах, превысив 300 цитирований в год, что свидетельствует о том, что статьи, опубликованные в предыдущие годы, становятся более цитируемыми, что говорит о некоторой консолидации ранних работ, а ряд основных статей и глав книг стали канонической литературой в данной области.

В период с 2023 по 2025 годы количество опубликованных статей демонстрирует незначительные колебания вместо стабильного роста. Тем не менее, процент цитирования все еще растет. Здесь можно сказать, что влияние этой области остается сильным, несмотря на то что в количественных показателях публикационная активность остается неизменной. Тут тенденция может указывать на постепенный сдвиг от концентрации внимания на количестве к фазе, где появляются более

сильные идеи, с меньшим числом исследований, оказывающих большее влияние в академических дискуссиях. Изначально в начале 2000-х годов исследования были фрагментарными. Далее уже через двадцать лет к середине 2020-х годов сформировались структурированные исследовательские области с четкими концепциями и общими аналитическими подходами. Рост цитирующей активности весь период остается динамичной. Это указывает не только на увеличение количества научных исследований, но и на более глубокое интеллектуальное участие в интерпретации религиозных нарративов.

Далее переходя к анализу рисунка 2 в тематической карте можно увидеть несколько важных тенденций. Первый видимый аспект связан с центральными ролями терминов «религия» и «человек». Здесь в красном кластере можно наблюдать связь морали, девиантного поведения в рамках социального контроля. Также в красном кластере важны значение слов «Ислам», «право», «мораль» и «семья». Цепочка данных связей говорит нам о том, что дискурс находится в орбите нормативных и теологических аспектах. Религия тут выступает защитным фактором.

Рисунок 2
Кластерный анализ данных, $N=124$

Далее зеленый кластер хоть и является вторым по значимости его направление сосредоточены в социально-психологических факторах. Связь имеется между терминами «подростки», «психотропные вещества» и «зависимости». Внутренний анализ связи красного кластера с зеленым по термину «религия» показала нам, что исследования сосредоточены на том как религиозные убеждения влияют на подростков. Проблемы социально-психологического характера, могут способствовать рискованному поведению подростков и молодежи и быть мотивом присоединения к религиозным девиантным группам. Этот вывод подтверждается наличием терминов «социальная среда» и «контролируемое исследование». То есть исследования, основаны на доказательствах, где поведенческие результаты анализируются с помощью измеримых социальных факторов вместо просто нормативных или религиозных взглядов.

Последний синий кластер связан с методологическим подходом. Здесь видны термины «анкетирование», «молодежь», «опрос» и т.д. В данном случае, исследования сосредоточены на кросс-секционных факторах, для изучения связи между религиозностью, поведенческими установками и социальными результатами. Связи между религией, психологией, установ-

кой и культурой в желтом кластере указывают на растущую интеграцию психологических и культурных аспектов в изучение религии и девиантного поведения, с растущим вниманием к психологическому благополучию и этническим группам. В результате мы видим, что тематическая карта показывает четырех основных областей:

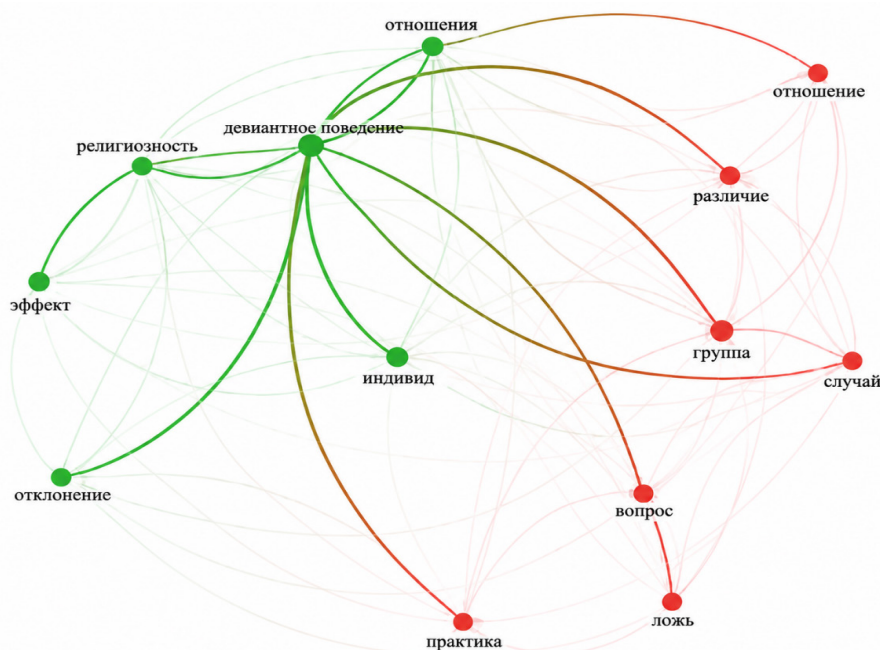
- нормативные и религиозные аспекты девиантного поведения;
- подростковый возраст и факторы риска поведения;
- методологические аспекты и эмпирические данные;
- социальные и культурно аспекты.

Структура показывает, что, хотя дискуссия прочно связана с религией как ключевым фактором, также наблюдается заметная диверсификация в сторону междисциплинарных подходов. В то же время ограниченное присутствие терминов, связанных с исламом и Центральной Азией, позволяет предположить, что региональный анализ по-прежнему недостаточно представлен в глобальной академической дискуссии.

Далее углубленный контент-анализ 27 статей подтверждает выше сказанные выводы, сосредоточившись на ключевой концепции девиантного поведения (см. рисунок 3).

Рисунок 3

Тематическая карта, составленная на основе статей для углубленного контент-анализа, N=27

Картирование выявляет два основных измерения. Во-первых, религиозность, индивидуальные черты и поведенческие эффекты создают микроуровневую связь, где личная вера влияет на последствия, связанные с девиантным поведением (Jensen, 2021, Idler, 2024). Во-вторых, коллективные практики, групповая динамика и общие жизненные контексты представляют собой макроуровневую среду, в которой религиозные мотивы реализуются в обществе (Seto, 2025). Сравнение этих уровней подчёркивает двойную роль религии, а именно как личного морального ориентира, способствующего снижению девиантного поведения, и как коллективной структуры, способной оправдать или нормализовать девиантное поведение в определённых идеологических ситуациях.

Далее контент-анализ выбранной группы показал, что религиозные мотивы, связанные с девиантным поведением в исламистском экстремизме, укладываются в пять основных тем (см. Таблицу 1), которые включают нормативно-религиозные, эсхатологические, социально-религиозные, политико-религиозные и культурно-психологические мотивы. В совокупности они иллюстрируют сложную роль религии в формировании девиантности. Нормативно-религиозные мотивы являются наиболее часто представленным измерением, где ключевые идеи, такие как шариат, закон, мораль, куфр, такфир и богохульство, играют ключевую роль в оправдании поведения, противоречащего светским правовым системам, но переосмысливаемого в сакральном контексте. Нарративы изображают девиантность не как нарушение, а как повиновение божественному порядку и способ защиты веры.

Эсхатологические, социально-религиозные и политико-религиозные мотивы коллективно демонстрируют, как девиантное поведение в рамках экстремистских дискурсов трансформируется из социально осуждённого действия в морально оправданную практику, основанную на религиозном смысле. Как ранее уже было сказано внешняя религиозность чаще приводит к девиации (Klanjsek, 2012, Javed, 2019). Категория

«Эсхатологические мотивы» как раз в тесной связке объясняет, как именно проявляется девиация в таких случаях. Такие ценности как «джихад», «мученичество» часто проявляется при внешней религиозности. При обострении социально-политических репрессии выше сказанные ценности становятся основным рычагом воздействия так как это становится священным долгом для верующего. В связи с этим в понимании верующего с сильным внешним проявлением религиозной идентичности, девиация становится не нарушением, а необходимым действием для уничтожения несправедливости. В Центральной Азии где многие страны долгое время находились в изоляции в советское время привело к распространению социально-религиозного мотива девиации. Сработал фактор коллективной защиты религиозной идентичности в переплетении с традиционными ценностями. Данная категория мотивов в меньшей степени протекает в девиацию. Однако при возникновении сильного давления под важностью сохранения религиозной идентичности, среди молодежи может пойти рост внешней религиозной идентичности что несет в себе риски.

Далее анализ позволил выделить четыре направления по методологии исследования (см. таблицу 2). Первая количественное, которое является самым объёмным и часто основано на опросах и статистическом моделировании. В этом массиве исследований последовательные результаты демонстрируют амбивалентность религии и может обладать защитой от девиантности, но также может быть использована для оправдания девиантных действий посредством доктринальной поддержки, например, через шариат или такфир. Одной из заметных проблем эмпирических исследований является опора на выборки из стран Запада и Ближнего Востока, в то время как Центральная Азия изучена в значительной степени недостаточно, что приводит к региональной предвзятости в исследованиях. Качественные исследования рассматривают это как способ описания религиозных мотивов. Также помогают глубже понять механизмы, действующие в этих связях.

Таблица 1*Религиозные мотивы девиантного поведения*

Категория	Ключевые слова / Индикаторы	Интерпретация
Нормативно-религиозные мотивы	Шариат, закон, мораль, куфр, такфир, богохульство	Девиация оправдывается как религиозный долг; закон и мораль трактуются в сакральных терминах
Эсхатологические мотивы	Мученичество, рай, загробная жизнь, джихад, апокалипсис	Насилие и девиантность интерпретируются как путь к трансценденции и награде
Социально-религиозные мотивы	Умма, община, семья, солидарность, сопротивление	Девиация легитимизируется через защиту групповой идентичности и коллективную оборону
Политико-религиозные мотивы	Радикализация, исламизм, оппозиция, авторитаризм	Девиация связывается с политическим сопротивлением репрессиям и властным структурам
Культурно-психологические мотивы	Молодёжь, подростки, группа сверстников, психология, поведенческие расстройств	Религия формирует девиантность через идентичность, психическое здоровье и уязвимость

Таблица 2*Методологические кластеры в базе из 27 статей*

Кластер	Авторы	Дизайн исследования и выборка	Фокус / Инструменты	Ключевые результаты	Выводы и импликации
Количественные исследования (опросы, мета-анализы)	Nivette (2022), da Silva (2024)	Массовые опросы (100–500 респондентов); мета-анализы; лонгитюдные базы криминологии	Анкеты, 3N-модель, статистическое моделирование	Религиозность имеет амбивалентный эффект: сдерживает девиантное поведение, но также может его легитимировать через нормы шариата и такфир. Подростки особенно уязвимы.	Необходимы межкультурные проверки измерений и включение малоизученных регионов (Центральная Азия).
Качественные исследования (кейс-стади, этнография)	Shortland (2022), Zanca (2004), региональные этнографии	Интервью, нарративные кейс-стади, дискурс-анализ	Тематическое кодирование нарративов (мученичество, умма, шариат, сопротивление)	Девиантные практики часто переосмысляются как долг общины, духовная жертва или политическое сопротивление.	Объясняют механизмы, скрытые за статистикой; контекстуализируют религиозность в условиях авторитаризма и постсоветских обществ.
Теоретико-концептуальные работы	Majid (2022), Laumulin (2010), Baran (2006)	Концептуальные и доктринальные исследования	Текстуальный/правовой анализ, исторические источники	Выделены категории: нормативные, эсхатологические и политические мотивы.	Формируют понятийный каркас, необходимый для кодировочных схем и сравнения исследований.
Смешанные методы и библиометрия	Omidi (2024), Rashimbetov (2024), библиометрические обзоры	Библиометрическое картирование + контент-анализ	VOSviewer, тематическое кластерирование	Обнаружены кластеры: «религия–мораль», «подростки–риск», «ислам–политика». Центральная Азия представлена слабо.	Картирование выявляет пробелы и задаёт направления для дальнейших исследований, особенно региональные.

Используя интервью, этнографические исследования и дискурс-анализ, исследования создают нарративы о том, как акторы осмысливают и оправдывают девиантное поведение. Мученичество понимается как путь к возвышенному, общинная солидарность характеризуется как обязанность защиты, а политизированное инакомыслие формулируется как моральное противостояние авторитарному режиму. Исследования, основанные на смещенных методах исследования, показывают, что при проявлении внешней религиозной идентичности мотивами девиации часто выступают социально-экономические или социально-политические факторы. В то время как при внутренней религиозности больше срабатывает психологический или культурный фактор. В первом случае социально-экономический и политический фактор помогает выявить количественные измерения через индикаторы благополучия или протестного настроения. Во втором случае исследования больше ориентированы на качественные измерения через кейс-стадии или интервью. Все кластеры показывают, что исследования в данном направлении развиваются теоретически и количественно, но при этом испытывают недостаток в качественной и региональной контекстуализации.

Концептуально карта, показанная на рисунке 4 демонстрирует ряд категории. В отличие от рисунка 3 где основными терминами были «девиантное поведение» и «религия», тут выходит вперед термин «агрессия» и «человек». Такой результат весьма интересен, потому что понимание религиозных мотивов девиантного поведения часто исследователями рассматривается через призму человеческого поведения и агрессии. Девиантное поведение и экстремизм «deviant behavior», «extremism» располагаются в качестве базовых тем в нижнем правом квадранте и категории занимают центральное место в исследовательской сети, но менее развиты внутри, что отражает их статус концептуальных аспектов. То есть можно сказать, что они широко цитируются, но часто рассматриваются описательно, а не аналитически и это может указывать на пробел, хотя девиация и экстремизм являются теми самыми терминами, вокруг которых строится данная область, их теоретическая проработка и операционализация отстают от других кластеров, оставляя их скорее «само собой разумеющимися», чем критически осмысленными категориями.

Радикализация имеет парадоксальное расположение, поскольку она долгое время была

центральной темой в изучении девиации и терроризма, но сейчас данный аспект смещается к более конкретной подтеме. К примеру, цифровая радикализация, онлайн-вербовка и т.д., что сигнализирует о переходе от самостоятельного объяснительного понятия к узкоспециализированной подтеме в рамках разных направлений. «Медиа» является специализированным и отличается высокой плотностью. Здесь можно сказать, что СМИ начали играть важную роль в исследовании темы девиации. Современные технологии позволяют проводить контент или дискурс анализ нарративов в СМИ. Более того растет исследования, изучающие также роль социальных сетей в распространении радикализма и девиации в особенности среди молодых людей. Также близко к центральной теме «медиа» стоит «девиантное поведение», но в отличие от медиа она менее устойчива, так как более глубокий анализ показал, что тут исследования уходят в область нейробиологии и психологии. Тут такие результаты объясняются тем, что медицинские направления только начали свое развитие в связке с религиозными учениями. Однако нельзя отрицать того, что кластер остается тесно связанным с традиционными определениями в данной области, но имеет более слабое отношение к экспериментальным или междисциплинарным направлениям исследований.

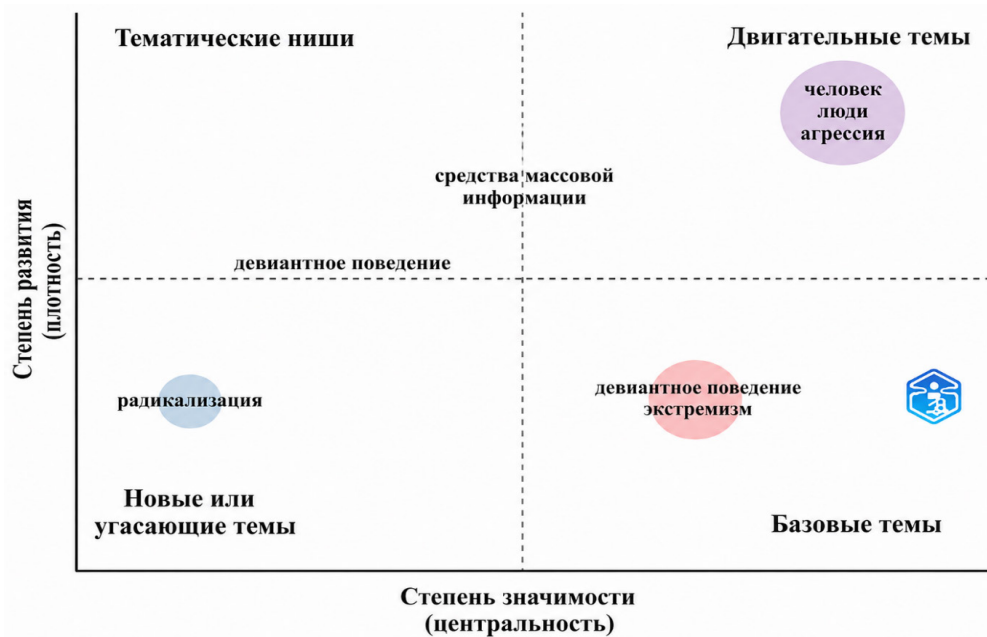
Результаты исследования согласуются с предыдущими наблюдениями о том, что религия в разной степени воздействует на девиацию. К примеру, Nivette (2022) и Baran (2006) писали, что религиозность может выступать как фактор снижения девиантного поведения. Но одновременно в деструктивных течениях может быть символом, оправдывающий насилие. Также социально-психологические и поведенческие науки как нейробиология и психология являются ключевыми направлениями исследования, которые совпадают с более ранними криминологическими и социально-психологическими исследованиями агрессии, радикализации и формирования коллективной идентичности. Далее кластерный анализ показал, что девиантное поведение и экстремизм рассматриваются как базовые категории. Основное направление в этой области сосредоточено вокруг термина «агрессия», «человеческое поведение» и «насилие». Albadi (2022) и Majid (2022) частично подтвердили результаты. Авторы отметили о необходимости рассмотрения религиозной мотивированной девиации в рамках поведенческой

науки. Снижение значимости самого термина «радикализации» в классическом понимании демонстрирует его трансформацию. В более совре-

менных исследованиях его стали рассматривать в таких направлениях как цифровая религия и онлайн пространства Omid (2024).

Рисунок 4

Контентно-концептуальное картирование научного дискурса в области девиантного поведения и экстремизма, N=27

Заключение и выводы

Подводя итоги исследования можно сказать, что исследование было разработано с целью картирования религиозных мотивов, лежащих в основе девиантного поведения в рамках исламского экстремизма, и выяснения порядка и способов мобилизации религиозных мотивов. Результаты исследования позволили достичь цели исследования четырьмя способами. Во-первых, результаты демонстрирует устойчивый рост и консолидацию научных исследований с середины 2010-х годов, сосредоточенных вокруг четырёх взаимосвязанных кластеров. Во-вторых, качественный анализ демонстрируют пять устойчивых мотивационных групп, а именно нормативно-религиозные, эсхатологические, социально-религиозные, политико-религиозные и культурно-психологические, которые в совокупности объясняют, каким образом религиозные идеи могут сдерживать девиацию, одновременно легитимируя насилие в рамках различных интерпретационных режимов. В-третьих, микро-, мезо- и макроанализ проясняет, что, хотя

личная религиозность может смягчать девиацию, коллективные нарративы, экология организаций и структуры возможностей могут реконтекстуализировать девиацию как долг, особенно в условиях конфликта или репрессий. Наконец, концептуальная карта отображает тематическое изменение приоритетов, поскольку радикализация не столько автономное объяснение, сколько семейство быстро меняющихся подтем, опосредованных цифровыми технологиями, в то время как человеческое поведение, агрессия и насилие остаются в центре анализа полей. Возвращаясь к гипотезе исследования, можно сказать, что религиозные мотивы в исламистском экстремизме не просто сопутствуют социально-политическим недовольствам, но и выступают в качестве основных нарративных рамок для легитимации девиантного поведения и что, более того, данные мотивы в Центральной Азии будут отличаться от Ближнего Востока, поскольку будут отдавать приоритет справедливости, идентичности и сопротивлению авторитаризму, а не эсхатологии. В поддержку обоих аспектов этого утверждения мы находим доказательства в различных слу-

чаях. Во всех случаях доктринальные категории, например, тафир, священный закон, общинный долг служат авторизующей логикой, контекстуализируя потенциально девиантные действия как моральные обязательства, способствуя легитимации недовольства в рамках норм, которые позволяют субъекту, входящему в моральное сообщество, действовать морально. В то же время внутренняя и личная религиозность часто препятствует отклонениям, в то время как коллективные смыслы, интерпретируемые на уровне движения, служат мостом между убеждениями и насилием, то есть не столько религия сама по себе легитимизирует поведение, сколько формулирование и мобилизация религиозного смысла.

Вклад авторов

Нургалиев Б.Б. – разработка концепции исследования, проведение библиометрического и контент-анализа, интерпретация результатов, подготовка основного текста статьи.

Кантарбаева Ж.У. – научное консультирование, методологическое сопровождение исследования, критический анализ и редактирование рукописи.

Ақмади М.А. – участие в анализе литературы, систематизации теоретических подходов, оформлении и структурировании статьи;

Че Заррина Саари – экспертная оценка методологии исследования, участие в интерпретации результатов и академическом редактировании английской версии статьи.

Литература

- Albadi, N., Kurdi, M., & Mishra, S. (2022). Deradicalizing YouTube: characterization, detection, and personalization of religiously intolerant Arabic videos. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 6, 1-25. <https://doi.org/10.1145/3555618>
- Baran, Z., Starr, F. S., & Cornell, S. E. (2006). *Islamic radicalism in Central Asia and the Caucasus: Implications for the EU*. Uppsala University.
- Idler, E. (2024). Religion among the social determinants of health: micro-, meso-, and macro views. In *Handbook on Religion and Health*, 2, 47-61. <https://doi.org/10.4337/9781802207996.00011>
- Javed, B., Fatima, T., Yasin, R. M., Jahanzeb, S., & Rawwas, M. Y. (2019). Impact of abusive supervision on deviant work behavior: The role of Islamic work ethic. *Business Ethics: a european review*, 28(2), 221-233. <https://doi.org/10.1111/beer.12212>
- Jensen, S. Q., & Larsen, J. F. (2021). Sociological perspectives on Islamist radicalization—bridging the micro/macro gap. *European journal of criminology*, 18(3), 426-443. <https://doi.org/10.1177/1477370819851356>
- Klanjsek, R., Vazsonyi, A. T., & Trejos-Castillo, E. (2012). Religious orientation, low self-control, and deviance: Muslims, Catholics, Eastern Orthodox-, and “Bible Belt” Christians. *Journal of adolescence*, 35(3), 671-682. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2011.09.003>
- Laumulin, M. (2010). Islamic Radicalism in Central Asia. In *Religion and security in South and Central Asia*, 1(1), 151-161. <https://doi.org/10.4324/9780203840238>
- Majid, N. S. N. A. (2022). Islamic Sociological Perspective on Social Deviance of Khamr Drinking. *Abqari Journal*, 27(1), 13-31. <https://doi.org/10.1080/01639625.2024.2341947>
- Nivette, A., Echelmeyer, L., Weerman, F., Eisner, M., & Ribeaud, D. (2022). Understanding changes in violent extremist attitudes during the transition to early adulthood. *Journal of Quantitative Criminology*, 38(4), 949-978. <https://doi.org/10.1007/s10940-021-09522-9>
- Omidi, A., Khan, K. H., & Schortz, O. (2024). Explaining the vicious circle of political repression and islamic radicalism in Central Asia. *Cogent Social Sciences*, 10(1), 235-245. <https://doi.org/10.1080/23311886.2024.2350115>
- Rashimbetov, R., & Mazhiev, G. (2024). Sharia motivation in a secular country: an empirical study among young people in Kazakhstan. *Eurasian Journal of Religious Studies*, 39(3), 78–89. <https://doi.org/10.26577/EJRS.2024.v39.c3.r8>
- Seto, C. H., & Su, J. (2025). Congregations in Context: Clarifying the Religious Ecology of Crime. *The Sociological Quarterly*, 1(3), 1-27. <https://doi.org/10.1080/00380253.2025.2487686>
- Warikoo, K. (2011). Religious extremism and terrorism in Pakistan and its implications. *Himalayan and Central Asian Studies*, 15(3), 4–23.
- Windzio, M., Hirsch, T., & Baier, D. (2025). Cultural Frames of Deviance. Muslim Religiousness and Adolescents’ Attitudes Toward Violent Control of Female Behavior. *Deviant Behavior*, 46(3), 312-332. <https://doi.org/10.1080/01639625.2024.2341947>
- Zanca, R. (2004). ‘Explaining’Islam in Central Asia: an anthropological approach for Uzbekistan. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 24(1), 99-107. <https://doi.org/10.1080/1360200042000212142>
- Sheryazdanova, G., Nurtazina, R., Byulegenova, B., Serikzhanova, A., & Dzhunusova, A. (2024). Socioeconomic and political causes of youth radicalization during the January 2022 events in Kazakhstan. *Global Perspectives*, 5(1), 120-195. <https://doi.org/10.1525/gp.2024.120495>
- Nussipova, A. U., & Nuralina, B. A. (2023). The relevance of studying the problems of religious radicalism in Kazakhstan. *Bulletin of the LN Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series.*, 145(4), 50-64. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-145-4-50-64>
- Sharipova, D., & Beissembayev, S. (2023). Causes of violent extremism in Central Asia: The case of Kazakhstan. *Studies in Conflict & Terrorism*, 46(9), 1702-1724. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1872163>

Сведения об авторах

Нургалиев Биржан Бауыржанұлы (автор-корреспондент) – PhD докторант кафедры религиоведения и культурологии факультета философии и политических наук Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: nurgaliyevbyrzhn@gmail.com.

Кантарбаева Жанна Уринбасаровна – кандидат философских наук, ассоциированный профессор кафедры религиоведения и культурологии факультета философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: kantarbaevazh@gmail.com.

Акмади Молдир Арманқызы – PhD, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского национального женского педагогического университета, Алматы, Казахстан, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com.

Че Заррина Саари – профессор кафедры Усулуддин и Да'уа Академии исламских исследований Университета Малайя, Куала-Лумпур, Малайзия, e-mail: zarrina@um.edu.my.

Information about the authors

Nurgaliyev, Birzhan Bauyrzhanuly (corresponding author) – PhD student of the Department of Religious Studies and Cultural Studies of the Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: nurgaliyevbyrzhn@gmail.com.

Kantarbaeva, Zhanna Orynbasarkyzy – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Religious Studies and Cultural Studies of the Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kantarbaevazh@gmail.com.

Akmadi, Moldir Armankyzy – PhD, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com.

Che Zarrina Saari – Professor of the Department of Usuluddin and Da'wah, Academy of Islamic Studies, University of Malaya, Kuala Lumpur, Malaysia, e-mail: zarrina@um.edu.my.

Авторлар туралы мәлімет

Нургалиев Біржан Бауыржанұлы (корреспондент автор) – әл Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті философия және саясаттану факультеті дінтану және мәдениеттану кафедрасының PhD докторанты, Алматы, Қазақстан, e-mail: nurgaliyevbyrzhn@gmail.com.

Қантарбаева Жанна Орынбасарқызы – әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті философия және саясаттану факультеті дінтану және мәдениеттану кафедрасының философия ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессоры, Алматы, Қазақстан, e-mail: kantarbaevazh@gmail.com.

Ақмади Мөлдір Арманқызы – PhD, Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, Алматы, Қазақстан, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com.

Че Заррина Саари – Малайя университеті Исламтану академиясы Усулуддин және Дагуат кафедрасының профессоры, Куала-Лумпур, Малайзия, e-mail: zarrina@um.edu.my.

Зарегистрировано 27 октября 2025 года

Принято 20 июня 2026 года